

Интеграционная политика Армении

Серия аналитических заметок

Серия аналитических заметок, посвященных интеграционной политике Армении, обобщает мнения и позиции, которые высказывались в ходе “круглых столов”, организованных Ереванским пресс-клубом в сотрудничестве с Фондом Фридриха Эберта, на тему “Армения между Евросоюзом и Евразийским Союзом: оценивая новые вызовы и возможности”.

Ереван
2014-2015

СОДЕРЖАНИЕ

МИФОТВОРЧЕСТВО ВОКРУГ СОГЛАШЕНИЯ ОБ АССОЦИАЦИИ	3
СОЮЗ, ГДЕ АРМЕНИЮ НЕ ЖДУТ.....	5
ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ «СЮРПРИЗЫ» ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	7
ВОЙНА САНКЦИЙ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ И ВЫЗОВ.....	9
ВРЕМЯ СРЫВАНИЯ МАСОК: В ЦЕНЕ - ПОДЛИННЫЕ ЛИЦА	12
АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОЖИДАНИИ СУБЪЕКТА РЕФОРМ	15
ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ВОЙНА - ВЫЗОВ ВОСТОЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ.....	18

МИФОТВОРЧЕСТВО ВОКРУГ СОГЛАШЕНИЯ ОБ АССОЦИАЦИИ

Май 2014

Около четырех лет Армения вела переговоры с Европейским Союзом по Соглашению об Ассоциации. Их можно признать одними из наиболее успешных в истории новейшей армянской дипломатии. Эти переговоры в определенной степени вступают в противоречие с общепринятыми представлениями о том, что Евросоюз ведет жесткий диалог со всеми, кто ищет пути сближения с ним. По большинству пунктов, где могли содержаться условия, создающие дискомфорт для Еревана, и возникнуть принципиальные препятствия для выполнения с его стороны конкретных обязательств, команда армянских переговорщиков “выторговала” довольно гибкие формулировки.

Именно эти разделы Соглашения стали предметом наиболее активной манипуляции со стороны противников (прямых и скрытых) Соглашения об Ассоциации. В частности, много было спекуляций по поводу того, что новый уровень отношений с ЕС ограничивает возможности сотрудничества Армении с ее стратегическим союзником Россией. В пропагандистский оборот были внедрены искусственные формулы “или-или”, “нет-нет”, “и-и”. Под навязыванием принципа “или-или” почему-то представлялись заявления официальных лиц ЕС о несовместимости Соглашения Ассоциации с членством в Таможенном Союзе. Причем такую интерпретацию время от времени поддерживали и представители властей РА, настаивая, что всегда были сторонниками формулы “и-и” и что их удивляют заявления о несовместимости двух интеграционных проектов. Фактически, армянская политическая элита и контролируемые ими информационные ресурсы затеяли “игру в наивность”. На самом же деле Соглашение об Ассоциации с ЕС, включая вхождение страны в зону свободной торговли, никак не ограничивали Ереван в плане участия в СИММЕТРИЧНЫХ интеграционных схемах. В частности, Армения могла входить в другие зоны свободной торговли, в том числе заключение соответствующих соглашений с Россией и другими постсоветскими странами. В этом смысле именно условия Соглашения об Ассоциации позволяли наилучшим образом реализовывать формулу “и-и”. Тогда как именно Таможенный Союз со своими протекционистскими механизмами исключает участие в иных интеграционных процессах, вынуждая своих членов выбирать “или-или”...

В качестве продолжения манипуляций армянской общественности была навязана идея, что, мол, “невозможно быть в одной системе безопасности (имелось в виду членство РА в Организации Договора о коллективной безопасности - **Авт.**), а экономически интегрироваться в альтернативном направлении”. Но, во-первых, ни в какую “альтернативную” систему Армения не интегрировалась, она сохраняла для себя свободу иметь, как отмечалось выше, такую же как ЕС схему экономических отношений и с Россией, Казахстаном и Беларусью. Если Соглашение об Ассоциации предполагало более высокие стандарты для армянской продукции, претендующей на свободный доступ к рынкам ЕС, то от этого другие торговые партнеры Еревана (те же Москва, Астана или Минск) только выигрывали. Кстати, соответствующие стандарты, принятые в одной из стран-учредителей ТС, Беларуси, и сейчас выше, чем в целом Таможенном Союзе... Во-вторых, в рамках Таможенного Союза всерьез обсуждалось присоединение к нему Турции. А президент Казахстана Нурсултан Назарбаев даже сделал соответствующее официальное предложение Анкаре. Как же в таком случае с членством Турции в военно-политическом блоке НАТО? Или в столицах стран-членов ТС настолько наивны, что допускают возможность выхода Турции из Североатлантического альянса? Иного названия нежели демагогия, рассчитанная на оболваненную аудиторию, все эти “аргументы” против

ассоциации РА с Евросоюзом не заслуживают.

Членство Армении в ОДКБ было принципиальным образом учтено в ее варианте Соглашения об Ассоциации с ЕС, именно это обстоятельство обусловило значительно более скромный раздел документа, посвященный сотрудничеству в сфере безопасности, чем у других трех стран (Грузии, Молдовы и Украины), которые имеют виды на членство в НАТО. И Соглашение никоим образом не содержало в себе предпосылки для пересмотра договорных отношений Еревана с партнерами по ОДКБ. Также в отличие от трех названных стран, Армения не ставила в ходе переговорного процесса вопрос о перспективах членства в ЕС и не предполагала также вносить какие-либо изменения в двусторонние отношения с Россией или во взаимодействие в рамках СНГ. Иными словами, ни перед каким выбором “ЕС или Россия” Армению в случае подписания ею Соглашения об Ассоциации никто не ставил. И, как минимум, в случае с РА заверения представителей ЕС о том, что Восточное партнерство и Соглашение об Ассоциации не направлены против интересов Москвы и ее взаимоотношений со странами-партнерами, имели под собой более чем серьезные основания. Утверждать обратное равносильно мнению, что социально-экономическое, политическое развитие Армении как таковое уже направлено против российских интересов. Но если так, то проблема не в Армении и ее взаимоотношениях с ЕС, а с теми, кто формулирует и пытается реализовать подобные “интересы” Москвы...

Еще один миф, связанный с Соглашением об Ассоциации, касался одной из наиболее чувствительных для общественного мнения Армении тем - Карабахского конфликта. Противники Соглашения, в частности, активно распространяли “утку” о наличии в тексте некоего пункта о будущем статусе Нагорно Карабаха, неприемлемом с точки зрения национальных интересов. Трудно сказать, на что и на кого рассчитывали сочинители этой “утки”, ибо для любого человека, кто хоть немного представляет себе процесс урегулирования конфликтов подобных Карабахскому, должно быть очевидно, что формат и характер переговоров по Соглашению об Ассоциации исключал саму возможность оговаривания статуса НК в этом документе. А реальные угрозы для непризнанной республики, как показало заседание Высшего Евразийского экономического совета в Астане 29 мая 2014, содержались как раз в контексте Таможенного (Евразийского) Союза. Даже в таком вопросе, как будущее Мецморской атомной электростанции, где позиции армянской стороны с учетом опасности, которую эта АЭС представляет для региона, сильно уязвимы, проект Соглашения об Ассоциации обошелся формулировками более “мягкими”, чем предшествовавшие документы, регулирующие отношения ЕС и РА. Возможность закрытия станции напрямую увязывалась в Соглашении с обеспечением энергетической безопасности Армении альтернативными методами. А теперь сравните эти подходы с процессом “интеграции” РА в ЕАЭС.

СОЮЗ, ГДЕ АРМЕНИЮ НЕ ЖДУТ

Июнь 2014

Препятствия для присоединения Армении к Таможенному Союзу Беларуси, Казахстана и России были хорошо известны задолго до 3 сентября 2013, когда президент РА заявил о намерении страны вступить в ТС и участвовать в формировании Евразийского Союза. О некоторых из них, прежде всего об отсутствии общей границы ни с одной из трех стран-членов этого Союза, неоднократно, в течение нескольких лет говорили высокопоставленные официальные лица РА, включая премьер-министра Тиграна Саргсяна. Другие препятствия стали темой подробного разговора после 3 сентября.

Сторонники ТС, которыми по убеждениям или поневоле, в один день стали почти все представители армянской политической элиты, защищая новый «выбор» направления интеграции, приводили первые пришедшие на ум аргументы. Мол, отсутствие общей границы - не проблема: контейнеры с грузами из Армении, предназначенные для партнеров из ТС, будут просто опечатываться на армяно-грузинской границе, без прохождения таможенных оформлений доставляться транзитом до грузино-российской границы и только там подвергаться «растаможке». То же самое касается грузов, транспортируемых в обратном направлении. Как все просто! Грузию при этом первооткрыватели столь гениального метода спрашивать не удосуживались. А когда спросили - спустя много месяцев после принятого решения - оказалось, что надежды не имели под собой никаких оснований.

Российские рекруты, заманивавшие армян в Таможенный Союз и зачистившие в Ереван со второй половины 2012, предлагали еще один «аргумент», мол, Калининградская область тоже не имеет общей границы с остальной частью РФ... Оставим моральную сторону вопроса: насколько корректно сравнивать анклавную часть страны, торгово-экономическая и любая другая интегрированность которой не может быть предметом обсуждений, с суверенным государством, призванным строить взаимоотношения с зарубежными партнерами, основываясь на целесообразности и здравом смысле как составных элементах национального интереса. Но «аргумент» не выдерживает критики и с чисто практической точки зрения. Ведь Калининградская область не имеет СУХОПУТНОЙ границы с Россией, а морем она связана без каких-либо транзитных стран. Иначе говоря между ними существует-таки маршрут доставки грузов без таможенных процедур. Тогда как у Армении нет и такого варианта - сообщение с Россией, минуя таможи третьих стран, возможно лишь воздушным путем, который не может рассматриваться как эффективный для обмена товарами между участниками единого таможенного пространства.

Еще одним лежащим на поверхности препятствием для вступления РА в Таможенный Союз является ее членство во Всемирной Торговой Организации. Когда Армения в начале 2003 вступала в ВТО, она договорилась о низких таможенных пошлинах, что соответствовало ее статусу страны с активными экспортно-импортными связями с внешним миром. Членство в ТС создает принципиальные противоречия между обязательством перед ВТО и значительно более высокими тарифами, предусмотренными Таможенным Союзом. Как известно, Россия вступила во Всемирную Торговую Организацию позднее Армении, в 2012 и изначально договорилась о тарифах, не противоречащих существующим в Таможенном Союзе. Казахстан и Беларусь пока не являются членами ВТО и, если когда-либо вступят в эту организацию (Астана ведет интенсивные переговоры на этот счет), то также будут исходить из тарифов, действующих в ТС.

Представители армянского правительства оптимистично заявляли о том, что они будут договариваться о более чем 50-процентных изъятиях из полуторатысячного перечня товаров, облагаемых пошлинами в рамках ТС. Переговоры по этим изъятиям были призваны устранить противоречия между членством в ВТО и Евразийском Экономическом Союзе, но, как оказалось, потенциальные партнеры по ЕАЭС (это точку зрения твердо выразил белорусский президент Александр Лукашенко) категорически против вхождения в Союз новых членов на особых условиях. Иными словами, если изъятий не будет, ожидается, что ЕАЭС, как в свое время поступал в вопросе новых членов Европейский Союз, должен компенсировать партнерам Армении по ВТО их потери от разности тарифов. Однако заявления вице-преьера РФ Игоря Шувалова дали понять, что никто за Армению платить не собирается, а сами она, компенсации и близко не потянет.

По всему с самого начала обсуждения членства РА в ТС было видно, что Астана и Минск не заинтересованы в ней. В отличие от Москвы, они предпочитают рассматривать евразийскую интеграцию в сугубо экономическом ключе, тогда как вхождение Армении имело, главными образом, политический смысл. Ее присутствие в ЕАЭС с учетом зависимости от Москвы означало бы также еще большее усиление российских позиций в принятии совместных решений. Соответственно, Казахстан с Беларусью, и без того недовольные доминированием Москвы, надо полагать разработали стратегию поочередного препятствования присоединению Еревана к «тройке». Если Лукашенко поднял вопрос об исключении особых условий, то президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил в роли защитника интересов Азербайджана, который проводит политику изоляции Армении от любых интеграционных проектов. Не секрет, что и для Астаны, и для Минска Баку представляется гораздо более важным партнером, чем Ереван. Совокупная доля этих двух стран во внешней торговле Армении не достигает и 1%. В то же время Казахстан сотрудничает с Азербайджаном по ряду крупных международных проектов, включая энергетику, сельское хозяйство. Кроме того, обе страны члены Организации Исламской Конференции, где они, как правило, выступают с консолидированными позициями. Для Беларуси огромное значение имеют дешевые кредиты, которые время от времени предоставляет ей Азербайджан. С учетом всего отмеченного можно было не сомневаться, что эти две из трех стран ТС будут всячески сопротивляться присоединению Армении.

Конечно, Москва обладает достаточным весом, чтобы продавить вопрос нового члена на тех условиях, которые будут для нее приемлемыми. Но и до 3 сентября 2013, и позже выбор Армении в пользу Евразийской интеграции имел значение не сам по себе, а как фактор, препятствующий триумфу Восточного партнерства на Вильнюсском саммите в ноябре 2013 и, прежде всего, подписанию Соглашения об Ассоциации Украиной. По мере того и в той степени, как Россия решила (или не решила) эту задачу, вопрос членства Армении в ТС и в дальнейшем в ЕАЭС терял для нее свою актуальность. И ни для кого не должно быть сюрпризом, что интерес к преодолению сопротивления Астаны и Минска у Москвы пошел на убыль.

ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ «СЮРПРИЗЫ» ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Июль 2014

Наряду с факторами, препятствующими (либо доказывающими нецелесообразность) присоединения Армении к Таможенному Союзу, которые изначально лежали на поверхности, позднее - в апреле-мае 2014 - проявились и скрытые проблемы. Впрочем, скрытыми большинство из них можно назвать лишь условно. Неприятные «сюрпризы» стали следствием исключительно неверной оценки ситуации и, соответственно, ошибочных прогнозов. Все, кто не ожидал, что Армения встанет перед практически неразрешимыми препятствиями для членства в ТС/ЕАЭС, видимо, не предполагали, что Грузия, Молдова и Украина до конца пройдут путь к Соглашениям об Ассоциации с ЕС. Ведь если бы они (или хотя бы только Украина), как и Ереван, сменили приоритеты в пользу евразийской интеграции, проект ТС/ЕАЭС (он же СССР 2.0) выглядел бы достаточно перспективным, чтобы «техническими» препятствиями можно было пренебречь.

При несостоявшемся же триумфе «русской весны» интерес к отдельно взятой Армении с ее либеральным (в силу условий членства в ВТО) внешнеторговым режимом, отсутствием общих границ со странами Таможенного Союза (см. предыдущие аналитические заметки), малопривлекательным рынком и слабой экономикой резко упал, а на его смену пришли те самые «скрытые» мешающие факторы. И, как следовало ожидать, против членства Еревана слаженно заработал тандем Астаны и Минска. В конце апреля 2014 президент Беларуси Александр Лукашенко довольно жестко озвучил принцип, что спешить с формированием Евразийского Союза не следует и, если кто-то не готов «пакетом» принимать все его условия, подписание договора можно отложить. Это, практически, означало, что переговоры Еревана с Москвой о существенных изъятиях из списка облагаемых новыми таможенными тарифами товаров, оказались пустой тратой времени. А в конце мая, сославшись на письмо своего азербайджанского коллеги Ильхама Алиева, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, «внес ясность», что Армения может вступить в ЕАЭС только в международно признанных границах. Это практически означало, что на границе РА с Нагорным Карабахом должен будет действовать таможенный пункт. Причем Назарбаев подал данное обстоятельство как само собой разумеющееся, мол, на таких же условиях Ереван вступил и во Всемирную торговую организацию...

Никто из присутствовавших на том заседании Евразийского Экономического Совета, включая армянскую делегацию во главе с президентом страны, не возразил, что подобные параллели неуместны, ибо ни в ВТО, ни в случае подписания Соглашения об Ассоциации вопрос о специальном регулировании движения товаров между НК и РА вообще никем не ставился. Более того, в рамках переговоров по Соглашению об Ассоциации (как и ранее в случае с ВТО) партнеры с пониманием относились к ситуации с неурегулированным конфликтом - необходимости нормальной жизнедеятельности, связей с Арменией карабахского населения - и обходили искусственные ограничения. И в этом, и во всех прочих вопросах евразийский переговорный процесс окунул Ереван в качественно иную культуру «партнерских» отношений, где интересами более слабого считаться никто не собирается.

Пассивное поведение армянской стороны на всех унижительных для нее обсуждениях в полном формате ТС/ЕАЭС можно было объяснить также ожиданием, что Москва нескрываемыми угрозами (ценами на газ, продажей наступательных вооружений Азербайджану и др.) втянувшая РА в свой интеграционный проект, сама разберется с остальными его участниками – Астаной и Минском. Можно не сомневаться, что,

продемонстрировав «крутой нрав» в отношении Украины, Кремль мог склонить своих таможенных партнеров к принятию Армении в союз на любых условиях. Метод «удара кулаком по столу» в его исполнении давно не работал так эффективно, как в последние месяцы. Однако, как оказалось, и российское руководство не горит желанием поскорее оформить членство Еревана в ЕАЭС. Своим поведением Москва лишь подтвердила очевидное: ее целью было не расширение евразийского формата за счет Армении, а срыв Соглашения об Ассоциации.

Не остается также сомнений в стремлении «евразийцев» рассматривать принятие РА в свои ряды сквозь призму сотрудничества с Азербайджаном, который, в свою очередь, последовательно осуществляет политику изоляции Еревана от всех международных и региональных инициатив. Причем для начала это может быть не полноценное участие Баку в евразийском процессе, а, скажем, согласованная политика в сфере энергоресурсов, которые остаются главными аргументами Кремля в его углубляющемся противостоянии с Западом. И присоединение к евразийскому интеграционному проекту проблемных стран типа Армения, Кыргызстан или Таджикистан куда как менее важно для России, чем привлечение Ирана и Азербайджана на свою сторону в энергетической игре. Для Тегерана это способ добиться своеобразного реванша за многолетние санкции со стороны Запада, для Баку - ослабить раздражающее давление международного сообщества в вопросах демократии и прав человека. При этом непосредственный сосед Турция исходя из собственных сложных геополитических калькуляций и с учетом неконвенциональных подходов ее нынешнего лидера к взаимоотношениям с внешним миром может выступить, скорее, в качестве подспорья, нежели оппонента в этой игре. Тем более, что, как минимум, Баку, а в определенных вопросах и Анкаре есть чего ожидать от Москвы в качестве бонуса за сотрудничество.

В таком контексте увязывание выбора Еревана в пользу евразийства и расчет на Россию вкуче с ОДКБ как на безусловных соратников на случай проблем с недоброжелательными соседями не имел под собой никаких оснований. Гарантий спокойной жизни и соблюдения национальных интересов в карабахском урегулировании в сегодняшней ситуации Армении не может предоставить никто. Риски для безопасности страны существовали и до того, как она встала перед выбором между евразийской и европейской интеграцией. В краткосрочной перспективе их, естественно, не стало бы меньше в случае подписания Соглашения об Ассоциации с ЕС. И только примитивные, недалёковидные расчеты позволяли прийти к выводу, что отказ от евроинтеграции и обивание порогов Таможенного Союза - более надежный путь к снижению рисков. Последующее развитие событий это убедительно подтвердило.

Соответственно, та версия Ассоциации Армении с ЕС, к которой пришли в ходе переговоров обе стороны и которая не увязывала непосредственным образом модель государственного и социально-экономического устройства, вектор цивилизационного развития с принадлежностью к системе безопасности и стратегическому партнерству, была единственно приемлемым выбором для Еревана. Отвергнув его, руководство страны столкнулось как с изначально лежащими на поверхности, так и с нарастающей лавиной скрытых проблем. Они затронули все сферы – внутреннюю и внешнюю политику, экономику, публичную жизнь и собственно безопасность. Практика последних месяцев подтверждает, что кризисные симптомы будут накапливаться пока членство в Евразийском Союзе остается в качестве безальтернативной перспективы для страны. Новый вызов в этом смысле являют собой санкции Запада в отношении России. Но это тема слежующих заметок.

ВОЙНА САНКЦИЙ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ И ВЫЗОВ

Сентябрь 2014

Война санкций между Евросоюзом, США и рядом других стран, с одной стороны, и Россией - с другой, естественно, затрагивает весь глобальный рынок, в том числе государства, в этой войне непосредственно не участвующие. Хотят они того или нет. Армения как страна, притормозившая на полпути между Соглашением об Ассоциации с ЕС и Евразийским Экономическим Союзом, к тому же традиционно импорто-экспортозависимая, отреагирует на эту ситуацию особенно чувствительно. Причем некоторые последствия могут иметь двойной эффект - как позитивный, так и негативный.

Сразу же после запрета на ввоз в Россию продовольствия из стран, которые применяют к ней санкции, пошли разговоры о перспективах для армянских производителей. В частности, определенным шансом для них может стать образующаяся на российском потребительском рынке нехватка плодоовощной, мясной продукции, рыбы, сыров. О позитивных сторонах этого явления говорить излишне - они очевидны. Но было бы легкомысленно игнорировать и связанные с ним проблемы, хотя бы для того, чтобы по возможности их минимизировать. Первый из негативных эффектов, который проявится сразу - это повышение цен на внутреннем рынке, естественным образом сопровождающий возрастающий спрос (причем с учетом потребительского ресурса России он в сопоставлении с производственными возможностями Армении может оказаться неограниченным). С похожей проблемой мы столкнулись в связи с интересом к армянской баранине в Иране и арабских странах - цена подскочила настолько, что в самой Армении этот продукт стал недоступен для большинства населения. Более оперативный пример - Беларусь, где население уже столкнулось с ростом цен как следствием переориентации ряда товаров на российских потребителей.

Возражения, что в этом и есть смысл рыночной экономики - производить для заработка и удовлетворять за счет заработанного собственный спрос - в данном случае не совсем корректны. Сугубо рыночные формулы хорошо работают, когда взаимоотношения между субъектами более-менее притерты. В данном же случае мы рискуем столкнуться с шоковой ситуацией, вызванной кризисным глобальным процессом, когда интересы маленького субъекта рынка в лице армянского потребителя могут быть просто задавлены мощным собратом - потребителем российским. Естественно, для узкой категории армянского бизнес-сообщества выход на российский рынок обеспечит сверхприбыли, но свойственные нашей экономике концентрация собственности и монополизм не позволяют рассчитывать на перераспределение благ среди широких слоев населения. Не следует ожидать и существенного роста рабочих мест, так как отрасли, которые имеют потенциал активизироваться за счет рынка РФ, в большой армии дополнительных работников не нуждаются. Соответственно, рост цен вряд ли будет сопровождаться соразмерным повышением покупательской способности населения. Социальные проблемы, скорее всего, обострятся, а как это отражается на миграционных процессах всем хорошо знакомо по опыту прошедших лет...

Еще один вероятный побочный эффект - экологический. Еще до появления новых возможностей проникновения на российский рынок армянские экологи небезосновательно начали трубить тревогу относительно хищнического использования водных ресурсов страны в интересах рыбоводческих хозяйств. Возникли реальные угрозы для едва ли не основных жизнеобеспечивающих ресурсов Армении - озеру Севан и Араратской долине (перерасход артезианских вод грозит ей необратимыми последствиями). Армянская рыбная продукция и без того завоевала себе нишу в России. А с введением ответных санкций и возникновением

экстренных потребностей в заменителях, скажем, запрещенной норвежской семги, весьма распространенной составляющей меню многих россиян, спрос на наши деликатесы может стать просто ажиотажным. Со всеми вытекающими отсюда экологическими последствиями.

Все сказанное, разумеется, не означает, что отечественный бизнес не должен реагировать на изменившуюся региональную рыночную конъюнктуру в соответствии с собственными интересами. Наоборот, озабоченности по поводу выбора евразийской интеграции связаны именно с тем, чтобы страна не приобретала черты Северной Кореи, а как можно дальше уходила от этой модели. Но отмеченные отнюдь не исчерпывающим образом шоковые вызовы предполагают высокую ответственность государственных институтов, в частности тех, которые реализуют политику в области социального обеспечения и ценообразования, свободной конкуренции и борьбы с коррупцией, охраны природных ресурсов и устойчивого развития. Даже без накатывающей новой волны геополитического и глобального экономического кризиса соответствующие официальные органы РА не были на высоте. Их дальнейшая малоэффективная работа, низкий уровень подотчетности обществу, иммунитет от критики свободных СМИ и гражданских инициатив может обратить открывающиеся для бизнеса возможности в катастрофу для страны в целом.

Сегодня много разговоров о перспективах скрытого реэкспорта в Россию попавшей под ответные запреты продукции и возможностях для верных партнеров Москвы, не участвующих в войне санкций, подзаработать на этом. Расхожими стали шуточные намеки и вполне серьезные бизнес-планы относительно «беларусских креветок» или «казахского пармезана». Речь может идти о сотнях мелких и средних предприятиях, занимающихся переработкой и даже просто перепаковкой для России товаров западных стран. Причем не исключено, что происходит это будет с обоюдного согласия: западные производители хотя бы частично сохраняют рынок сбыта, а Москва будет «держаться фасон», но при этом не лишит своих граждан привычного ассортимента товаров. Шансы Армении в этих комбинациях, скорее всего, невелики. Особенно по сравнению со странами-учредителями Евразийского Экономического Союза, освобожденных от таможенных формальностей, а также с Китаем и Турцией, имеющими огромные объемы товарооборота с Россией и, соответственно, отработанные логистические механизмы. Даже Грузия, которая, хоть и подписала Соглашение об Ассоциации с ЕС, но усиленно работает в направлении экономического сотрудничества с РФ, имеет определенные преимущества перед Арменией: прежде всего, в силу географической близости, наличия общей границы и более низких транспортных расходов.

Как ни парадоксально, наличие конкурирующих интеграционных инициатив, зон свободной торговли, таможенных союзов и даже санкций в определенном смысле стимулирует сотрудничество между отдельными странами, входящими в разные системы. Практикуя взаимные инвестиции и сестринские компании, они могут пользоваться благоприятными торгово-экономическими режимами, доступными как одной, так и другой. Неслучайно в армянских правительственных кругах модными стали разговоры о перспективах подобного рода сотрудничестве между Арменией, намеревающейся вступить в ЕАЭС, и Грузией, подписавшей Договор о свободной торговле с ЕС. Примерно о таких же схемах задумываются «великие комбинаторы» в контексте санкций, примененных против российских компаний. Тем более, что последние активно присутствуют в Армении, а в большинстве армянских банков участвует российский капитал. Правда, в этом случае риски достаточно велики и западные партнеры Еревана, скорее всего, будут внимательно отслеживать потенциальные обходные пути преодоления режима санкций в отношении Москвы и принимать соответствующие меры. Недвусмысленное предупреждение на сей счет уже последовало. Обоюдное молчаливое согласие относительно обхода ограничений

на кредитно-финансовые операции или реализации российских товаров на Запад посредством третьих стран достижимо гораздо сложнее, нежели в обратном направлении. Понимание, с которым в США и Европе относились к армяно-иранским торговым связям как к способу выживания для нашей страны, на содействие Еревана попавшей под санкции России может и не распространиться. Одним из очевидных последствий, к примеру, может стать непродление со стороны ЕС режима GSP+, близкого по практическому эффекту к свободной торговле.

Одним словом, привычка властей РА «плыть по течению» и делать вид, что кризисные явления страны не касаются, могут отразиться на стране в нынешних условиях еще тяжелее, чем глобальный экономический кризис пятилетней давности. Поэтому необходима конкретная программа действий по всем аспектам складывающейся ситуации, а не надежда на спасительные чудеса.

P.S.: Ну, о крупных российских инвестициях в армянскую экономику даже в случае присоединения страны к ЕАЭС рассуждать в контексте санкций вообще бессмысленно. Потери нефтегазовых и энергетических компаний, равно как и всего сырьевого сектора РФ настолько предсказуемы, что о всех их проектах в Армении следует забыть. А ожидать можно разве что очередных попыток компенсировать свои потери на других фронтах, выжимая последние соки из страны-партнера. Так что недавние повышения цен, в частности, на газ и электроэнергию были далеко не последними...

ВРЕМЯ СРЫВАНИЯ МАСОК: В ЦЕНЕ - ПОДЛИННЫЕ ЛИЦА

Октябрь 2014

Происходящее сегодня вокруг Украины и вообще вокруг взаимоотношений Россия-Запад рушит не только устои в международных отношениях, казалось, окончательно утвердившиеся после второй мировой войны. Они приводят к переосмыслению, изменению представлений относительно ценностей, целей, приоритетов определенной части человечества, которая традиционно относила себя к европейской цивилизации. А следовательно делают уязвимыми, сомнительными многие программы развития, сотрудничества, их содержание, последовательность и ответственность партнеров при выполнении взаимных обязательств. Сказанное относится, как ни печально, и к евраинтеграционным процессам, в том числе к повестке инициативы ЕС «Восточное партнерство».

Не то чтобы до украинского кризиса международные соглашения беспрекословно выполнялись, а все, кто заявлял о видении своего будущего в Европе, убежденно и неуклонно двигались по пути оговоренных реформ. Но отступления от принципов происходили со стыдливым выражением лица, сопровождалась заверениями в непоколебимости курса, оправданиями и ссылками на «темное прошлое», замедляющее движение вперед. И лишь в «постмайдановский» период цинизм, даже некая бравада при отрицании общепринятых доселе стандартов и норм получили особенно широкое распространение. Оказалось, что подписи и печати высокопоставленных особ под двусторонними и многосторонними договоренностями, касающимися даже таких ключевых проблем, как государственный суверенитет и международная безопасность, для многих ничего не стоят. Что уж говорить о гуманитарной сфере - функционировании демократических институтов или правах человека!?

Едва ли не первой жертвой (и одновременно орудием) «нового миропорядка» стали средства массовой информации. Законодателями мод здесь стали ведущие российские телеканалы. К своему нынешнему «триумфу» они шли почти два десятилетия. После либерализации времен перестройки и первых лет демократической государственности РФ первое поколение российских олигархов и «прозападного» чиновничества, захвативших контроль над СМИ, решились поступиться декларированными ими же принципами свободных рыночных отношений в медийной индустрии. Сделано это было ради поддержки «своего президента» и в ход пошли все доступные грязные пропагандистские технологии. Такой компромисс не мог остаться без последствий. Приняв «правила игры», согласно которым телекомпании, печатные издания и пр. это не субъекты свободного бизнеса, а прежде всего, инструмент политических спекуляций и на них, соответственно, не распространяется принцип защиты частной собственности, «прозападная элита» вынуждена была смириться с переходом наиболее значимых медийных активов в руки новых лояльных владельцев. История того, как «Газпром» стал собственником НТВ - классика жанра. История прежнего хозяина этого телеканала Владимира Гусинского не стала уроком для другого олигарха и медиа-магната Бориса Березовского. Последний спонсировал самые изощренные приемы телевизионного киллерства для обеспечения беспрепятственной передачи власти от одного «своего» президента другому. В числе ситуационных жертв оказались даже такие гиганты российской политики, как бывшие мэр Москвы Юрий Лужков и премьер-министр РФ Евгений Примаков.

И Гусинский, и Березовский успешно справились с задачей манипуляции общественным мнением в рамках кампаний по возведению на престол «нужных» кандидатов соответственно в 1996 и 2000, после чего стали ненужными России сами. А некогда принадлежавшие им главные медиа-ресурсы, включая телеканалы и героев эфира, поднялись на новый уровень (простите за каламбур) морального падения, перещеголяв сегодня в своей антиукраинской, антизападной пропаганде самые одиозные советские образцы.

Путь, пройденный российскими СМИ на рубеже 1990-х и нулевых, и технологии монополизации властью основных каналов информационной обработки общества повторили их собратья в разных странах бывшего СССР, в том числе в Армении. Но последние «успехи» ведущих московских телеканалов в зомбировании граждан остаются недостижимыми. Такой эффективностью в распространении откровенной лжи, расизма, шовинизма и ксенофобии в более-менее открытых обществах не может «похвастать» никто. Не случайно для защиты собственных граждан в ряде стран запретили или ограничили ретрансляцию ряда российских ТВ. В Армении, несмотря на присутствие этих каналов в открытом доступе и грубое нарушение ими национального законодательства, ответственные официальные органы далеко обходят эту актуальную тему стороной.

А между тем, в отличие от прошлых лет, когда применение манипуляционных технологий оправдывалось в России интересами элиты, строящей западную модель свободного демократического государства и борющегося с коммунистическим реваншизмом, сегодня все маски сорваны. Звезды российского телеэфира открыто издеваются над европейскими ценностями, унижают целые народы, страны и не стесняются утверждать, что такой и должна быть журналистика. Один из символов «современных медиа» Дмитрий Киселев, поучая в Ереване армянских поклонников своего «таланта», замахнулся на основу основ профессии и этики - необходимость отделять факты от комментариев, мнений. Мол, это устаревший принцип... Иными словами, голую информацию, согласно «гуру» российской пропаганды, допустимо так перемешивать с ее субъективной интерпретацией, что потребитель теряет фактическую основу предлагаемого ему медиа-продукта и слепо следует поводырю. Что, собственно, и происходит с аудиторией российских СМИ, в том числе, к сожалению, и в Армении. В контексте подобного воздействия «зомбоящика» и евразийских устремлений армянского политического истеблишмента неизбежным видится и полное забвение уроков истинно профессиональной журналистики, полученных за последние 20 лет представителями наших СМИ, и переключение их на «теории» московских «мастеров слова». Единственная надежда, что это как всегда будет происходить на привычном провинциальном уровне - и значит, без того ошеломительного эффекта...

Как при этом избавиться от альтернативных источников влияния на общество, наглядно демонстрирует наш другой попутчик по советскому прошлому - Азербайджан. Примерно 100 политзаключенных, в том числе журналистов и блогеров, в стране, где и без того осмеливающихся открыто высказывать свое мнение, не так много. Относительно недавно в ней отменяли официальную цензуру, терпимо относились к критике в СМИ, допускали реальную многопартийность, не мешали явным образом работе международных организаций с местным гражданским обществом, не наказывали за участие в диалоге с армянами. Теперь же почти все СМИ оказались на довольствии и под контролем властей, оппозиционность приравнивается к антигосударственной деятельности, финансирование НПО зарубежными фондами допускается только с одобрения сверху, контакты с армянами подпадают под определения «шпионаж» и «государственная измена». На международную реакцию по поводу перечисленных проблем азербайджанские власти с недавних пор,

безусловно, почувствовав описанные выше изменения в мировом политическом климате, отвечают вызывающе: займитесь лучше собой... Отметим, что речь идет о стране, как и Армения - члене Совета Европы, участнице инициативы ЕС «Восточное партнерство». И ведь нельзя отрицать, что и в армянских высших политических кругах, есть люди, которым нравится подобный характер взаимоотношений власти и граждан...

И еще об одном соседе, хотелось бы кратко порассуждать в рамках предложенной темы - о Турции. Было бы несправедливо ставить ее в один ряд с приведенными выше примерами. Но... Здесь тоже любят (и опять же особенно в последнее время!) ставить на место и обвинять в подрывной деятельности Запад за любую критику в свой адрес. Несколько месяцев назад власти этой страны депортировали журналиста в Азербайджан, прекрасно осознавая, что он будет тут же арестован по надуманным обвинениям. Ее политические лидеры допускают откровенно армянофобские заявления и убедительно побеждают на выборах. С одной стороны, очевидным образом переходят границу секуляристского государства, являющегося одним из фундаментальных принципов европейской цивилизации, а с другой, устами новоназначенного министра иностранных дел заявляют о членстве в ЕС как приоритете внешней политики...

И все это на фоне острейшей геополитической конфронтации, реальных угроз глобальной безопасности и разрыва международных правовых связей. Такова среда, в которой продолжает обсуждаться повестка сотрудничества Армении с Европейским Союзом. В ней продолжает отдаваться приоритет реформе системы правосудия, борьбе с коррупцией, правам человека, укреплению демократических институтов - темы, ушедшие в тень из активного дискурса в свете более актуальных вызовов. Если реально смотреть на вещи, внешние факторы и стимулы, которые играли решающую роль в продвижении реформ прежде, сегодня как никогда слабы. Мимикрия под реформы все больше теряет смысл. А с учетом евразийского процесса, который затормозился, но отнюдь не отменен, влияние извне имеет и акцентированный противоположный вектор. Найдутся ли для прогресса внутренние ресурсы? Осознают ли свою ответственность в новой ситуации прореформистские силы в самой стране? Ответ, каково подлинное лицо Армении в современном мире, должна дать наступающая осень 2014.

АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОЖИДАНИИ СУБЪЕКТА РЕФОРМ

Ноябрь 2014

Подводя итоги 2014 по Армении, можно без натяжки включить в список наиболее драматических событий последствия де-факто отказа руководства страны от парафирования Соглашения об Ассоциации между Европейским Союзом и Арменией и ее безрезультатного пребывания у «парадного подъезда» возглавляемого Россией Таможенного Союза (ТС). Уже очевидно, что, не став в нынешнем году членом ТС, Армения в лучшем случае вступит в Евразийский Экономический Союз не учредителем, а на «вторых ролях», невозможность же одновременного присоединения к Зоне свободной торговли с ЕС и к ЕАЭС, означает для нее в значительной степени и геополитический выбор. Идея «комплементаризма», исповедовавшаяся Ереваном в течение многих лет перестает быть приемлемой, как минимум, для одного из ее партнеров - России.

Выбор ориентации и модели развития самым непосредственным образом затрагивает и сферу демократии, гражданского общества. В 2010-2013 в Армении шла достаточно интенсивная дискуссия относительно взаимоотношения государства и неправительственного, гражданского сектора, вопросов законодательного регулирования этих отношений. С одной стороны, был разработан проект поправок в Закон об общественных организациях, создан Общественный Совет при президенте, который представил стратегию развития гражданского общества - все эти и ряд других инициатив предполагали существенное усиление контроля над институционализированным гражданским сектором со стороны политической власти. Иными словами, продвигалась модель, применяемая в России и ряде других постсоветских стран. С другой стороны, та часть гражданского общества, которая видит свою главную миссию в возможности независимой критики, выражении и продвижении альтернативных позиций по разнообразным вопросам, заявила о категорической неприемлемости вышеупомянутых инициатив.

В 2014, несмотря на выбор евразийского вектора, ситуация между двумя концепциями развития общественного сектора сохранилась, но отдельные тенденции свидетельствуют об угрозах дальнейшего развития в нежелательном направлении. Европейский Союз, несмотря на заверения о продолжении тесного сотрудничества с армянским гражданским обществом, явно снизил требования к правительству РА относительно его открытости гражданскому обществу. Это проявилось, в частности, в снижении роли НПО как участника принятия решений и оценщика хода реформ, поддерживаемых ЕС. Да, и сами эти реформы лишились энергетики и международной правовой базы в силу истечения сроков Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве и отсутствия нового двустороннего документа. Власти Армении получили возможность вернуться к имитации диалога с независимым гражданским обществом (простите за тавтологию - **автор**) и к взаимодействию с тем его сегментом, который легко управляется и «уговаривается». Угроза включения в законодательство об общественных организациях положений, усиливающих государственный контроль над НПО, выглядит более реалистичной, чем в 2013.

В то же время Армянская Национальная платформа(АНП) Форума гражданского общества Восточного Партнерства, хоть и лишилась, практически, статуса институционального участника всего процесса Восточного партнерства и не стала эффективным инструментом диалога с правительством и адвокати радикальных демократических преобразований, к чему упорно шла в предыдущие год-два, но уберегла себя от «гонгоизации». Наиболее

реформистски настроенным НПО, задающим тон в работе платформы, не привыкать к коммуникации с властями в конфронтационном режиме, когда последние не заинтересованы в принципиальных переменах. Более того, АНП своими заявлениями декларировала отказ рассматривать властные структуры как главного (если не единственного) партнера в продвижении реформ и готовность сотрудничать при наличии общей повестки со всеми политическими силами, неформальными гражданскими инициативами.

«Гражданский активизм» утвердил себя в качестве серьезного феномена современной общественной жизни Армении. Социально активные люди, в основном, образованная молодежь, посредством социальных сетей и уличных акций приобрела довольно сильное влияние на общественное мнение и даже на поведение властных структур. Появление и высокая значимость феномена обусловлена, во-первых, низким уровнем легитимности власти, делающий их уязвимыми при любых массовых публичных акциях; во-вторых, оперативным обращением активистов к насущным темам, волнующим людей; в-третьих, традиционно высокой эффективностью уличного протеста, берущей начало еще с конца 1980-х; в-четвертых, ослаблением поддержки населением политической оппозиции, в результате чего внимание недовольной общественности переключается на неформальные гражданские движения. Разумеется, многие - как представители властей, так и различных политических группировок - пытаются (и продолжают эти попытки) использовать капитал массовых акций в собственных целях. Однако, подпадая от случая к случаю под манипулятивное воздействие узких политических интересов, неформальные активисты пока оберегают себя от конформизма и попыток вовлечения в партийные орбиты. При этом очевидно, что накопленный ими потенциал уже не умещается в тактику разовых акций и должен рано или поздно реализоваться в более институциональной форме. Один из вариантов - это подключение энергии гражданских акций к повестке европейской ориентации как альтернативе официальному курсу РА. Другой - формирование на базе неформального активизма «левого» движения, которое по сути отсутствовало в политическом спектре Армении в течение всего постсоветского периода, несмотря на глубину социальных проблем.

В свете описанного выше тревожным представляется будущее многопартийной системы в Армении, что затрудняет взаимодействие гражданского общества не только с властью, но и с оппозицией. С одной стороны, полное слияние крупного бизнеса с властью, классическая версия «захвата государства» частными интересами узкого круга людей, лишает оппозицию источников существования в материальном плане. С другой стороны, периодическое выключение оппозиционных партий из общественно-политических процессов (апофеозом стало уклонение основных оппонентов действующего президента от участия в выборах 2013 и пассивность даже проевропейских партий в противодействие смене курса на европейскую интеграцию) укрепили в обществе мнение, что партии существуют исключительно для самих себя, но никак не для решения проблем людей. Тем более, что общественность видит, как для поддержания своего существования оппозиционные партии идут на любые формы коллаборации с олигархией, а в конечном итоге с властью.

Сегодня в Армении идет вялотекущий процесс образования новых политических сил, рассчитывающих учесть промахи предшественников, однако он не вызывает у общественности особых приливов энтузиазма. К тому же действующие на поле игроки делают все для дискредитации любых новых политических инициатив. Казалось бы, система «власть-деньги-власть» (или «деньги-власть-деньги») не подвержена в Армении очевидным угрозам. «Захват государства» обеспечивает все условия для последовательной

конвертации одного ресурса в другой независимо от отношения к этому процессу населения. Использование административного ресурса, покупка голосов, апатия избирателей, низкий уровень ожиданий международной общественности от электоральных процессов в Армении обеспечивает безотказное воспроизводство системы. А «евразийская среда» всему этому только способствует. Революционный пар, который мог бы взорвать котел, выпускается за счет массовой миграции. Большинство недовольного население видит выбор не в восстании, а в поисках лучшей доли вне Армении.

Надежды на перемены все больше связываются с гражданским обществом - как институционализированным, так и неформальным, с его решимостью не способствовать, а возглавлять прогрессивные процессы. Быстрому созреванию и аккумуляции сил для таких процессов в огромной степени способствует относительная информационная открытость Армении. Речь, прежде всего, о социальных сетях и многочисленных он-лайн СМИ. Несмотря на манипулятивный, политически ангажированный характер многих интернет-проектов, можно сказать, что здесь доминирует дух свободы и прогресса. Годы сотрудничества властей РА с ЕС не прошли даром, нерепрессивная политика в ряде сфер, связанных с функционированием демократических институтов, в том числе в Интернете, обеспечила поле для обмена мнений и конкуренции идей. У него есть для этого все, кроме готовности взять на себя ответственность: разумеется, быть объективным наблюдателем и критически оценивать происходящее гораздо более комфортное занятие, чем брать на себя решение больших задач. Но рано или поздно осознание формулы «кто, если не я» ведь приходит?

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ВОЙНА - ВЫЗОВ ВОСТОЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Июнь 2015

Наряду с экономическими трудностями и геополитическими противоречиями Восточное партнерство столкнулось еще с одним вызовом – пропагандистской войной. Начав разворачиваться накануне Вильнюсского саммита ВП 2013 вследствие неприятия Москвой перспектив европейской интеграции четырех постсоветских стран, планировавших подписать Соглашения об Ассоциации с ЕС, она приняла поистине грандиозные масштабы к следующему саммиту в мае 2015 в Риге. Не случайно впервые одним из важных мероприятий на полях саммита стала конференция СМИ, где тема пропаганды стала одной из главных.

Во всех 6 странах ВП телевидение остается основным источником получения населением новостей, политической информации. С небольшими отклонениями в ту или иную сторону оно является таковым примерно для 80% аудитории этих стран. Соответственно, это наиболее эффективный метод влияния на общественное мнение по наиболее актуальным проблемам внешней и внутренней политики, чем и воспользовались инициаторы пропагандистского противостояния.

В трех из 6 стран – Армении, Беларуси и Молдове - российские телеканалы являются важными игроками на информационном поле. Здесь программы ведущих вещателей России ретранслируются в свободном доступе - либо по межгосударственным соглашениям, либо посредством так называемых “гибридных” каналов, либо в эфире местных вещателей. В той или иной степени они входят в число наиболее популярных СМИ. Кроме того, десятки других российских телеканалов доступны аудитории, пользующейся услугами операторов кабельных сетей. Для большинства населения этих трех стран нет языковых барьеров для получения информации посредством СМИ России, и если российские каналы и уступают размером своей аудитории в странах Восточного партнерства, то только национальным вещателям.

Однако наибольшее влияние СМИ России оказывают на общественное мнение в тех странах, где их вещание никак и ничем не ограничено, и Армения в этом смысле – в особом положении. 7 апреля 2014 Армянская Национальная платформа Форума гражданского общества Восточного партнерства выразила глубокую обеспокоенность в связи с теми передачами и сюжетами ретранслируемых в Армении в свободном доступе российских телеканалов, в которых откровенно пропагандируется ксенофобия и насаждается ненависть на национальной почве. Указанное явление, как отмечалось в заявлении, стало наиболее очевидным в контексте политических событий вокруг Украины. Помимо ее дискредитации после Майдана как несостоятельного государства, российское ТВ резко осуждало США за нарушение норм в международных отношениях, представляло Евросоюз как орудие в руках Вашингтона, направленное против общих интересов постсоветских стран. При этом интенсивно использовался «язык вражды/ненависти».

Не случайно, имя главы государственной компании “Россия сегодня” и ведущего информационно-аналитических передач телеканала “Россия 1” Дмитрия Киселева было включено в список “нежелательных для Евросоюза лиц”. Вопрос прекращения трансляции российских телеканалов, в частности информационных и политических программ,

осуществляющих агрессивную пропаганду, подвергая тем самым идеологической “обработке” общественное мнение, был поставлен в ряде стран ЕС и Восточного партнерства. В заявлении Армянской Национальной платформы ФГО отмечалось, что распространение подобного рода пропаганды на территории Республики Армения противозаконно, поскольку противоречит Конституции РА (ст. 14.1), национальному законодательству (в частности, ряду пунктов статьи 24 Закона “О телевидении и радио”), а также международным конвенциям, к которым присоединилась Армения и которые запрещают распространение ксенофобии и межнациональной розни. Это наносит огромный ущерб информационной безопасности страны, ее дружественным отношениям с другими государствами, дестабилизирует общественную жизнь. Фактически, занимая радиочастоты, являющиеся ограниченным общественным ресурсом российские телеканалы в отдельных своих передачах действуют вопреки национальным интересам Армении.

В связи с этим обоснованным был призыв представителей армянского гражданского общества рассмотреть вопрос законности деятельности компаний, осуществляющих ретрансляцию соответствующих передач пропагандистской направленности. Приведение контента всех лицензированных телекомпаний (а российские каналы ретранслируются в открытом доступе именно на основании лицензий, выданных Национальной Комиссией по телевидению и радио) в соответствии с требованиями законодательства РА является прямой и первостепенной обязанностью регулятора вещания в Армении. Однако никакой официальной реакции со стороны НКТР на этот призыв не последовало, а неофициально представители властных кругов ссылались на политическую конъюнктуру, исключая какую-либо строгости в отношении СМИ стратегического союзника.

Вопрос, возможно, не ставился бы столь остро, если бы армянские вещатели оказались бы в состоянии представить аудитории альтернативу той картины мира, которую рисуют их российские коллеги после запуска Москвой необъявленной пропагандистской войны с Западом. Более того, телеканал “Евроньюс” (в частности, его версия на русском), способный представить события международной жизни в ином ракурсе, стал недоступным тем телезрителям, которые не являются подписчиками кабельных пакетов – а это более половины населения страны. Русскоязычные же телеканалы, воспринимаемые как оппозиционные (к примеру, «Дождь», RTVI), недоступны в Армении даже посредством кабельных пакетов. Характерно, что телеаудитории стран, подписавших Соглашение об Ассоциации с Европейским Союзом (Грузии, Молдовы, Украины), имеют возможность смотреть передачи этих вещателей, а остальные три страны Восточного партнерства (Азербайджан, Армения, Беларусь) - нет, разве что по Интернету.

Чувствительным фактором для аудитории в Армении стала широкая представленность в информационно-политическом эфире российских телеканалов и СМИ вообще людей с армянскими фамилиями. Подавляющее их большинство - кинорежиссер Карен Шахназаров, политологи Андраник Мигранян, Сергей Кургиян, Семен Багдасаров, Араик Степанян, директор телекомпании «Россия сегодня» Маргарита Симоньян, телеведущий Роман Бабаян, глава «Lifenews» Арам Габрелянов - выступают с ярко выраженных провластных российских (иными словами, антиукраинских, антизападных) позиций. Немало армян и среди репортеров российских СМИ, освещающих события на юго-востоке Украины, героев сюжетов об ополченцах Крыма и Донбасса, о проблемах населения этих регионов. И хотя в тот же период собственно Армения крайне пассивно освещалась ведущими российскими телеканалами, аудитория этой страны в силу описанного обстоятельства и своей традиционной чувствительности к поведению соотечественников за рубежом ощущала сопричастность к соответствующим дискуссиям и сюжетам в эфире. Армянская

общественность и без того оказалась разделенной симпатиями или неприятием политики Москвы, а присутствие армян в лагере сторонников Кремля вносило дополнительный нюанс в острое противостояние. Причем в контексте противостояния Россия-США, Россия-Евросоюз, Москва-Киев, конфликтность внутри общества формировалось, главным образом, вокруг вопросов, не имеющих непосредственного отношения к национальным интересам.

Помимо сугубо политических вопросов – в частности, утверждений о бесперспективности европейской интеграции для постсоветских стран, об агрессивной сущности США и других стран, объединенных в блоке НАТО, о формировании Западом «пятых колон» и разжигании «цветных революций», пропагандистские методы используются также для дискредитация ценностей через ломку позитивных стереотипов. Вытравливание стереотипа о приверженности российского общества европейским ценностям, противопоставление христианской традиции и западной этики, ставшие важными элементами в работе московских пропагандистов, оказали существенное влияние и на армянскую телеаудиторию. И этот фактор необходимо иметь в виду при оценке возможностей дальнейшего развития отношений ЕС и Армении, разрабатывая соответствующий комплекс мер в информационной сфере.